

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

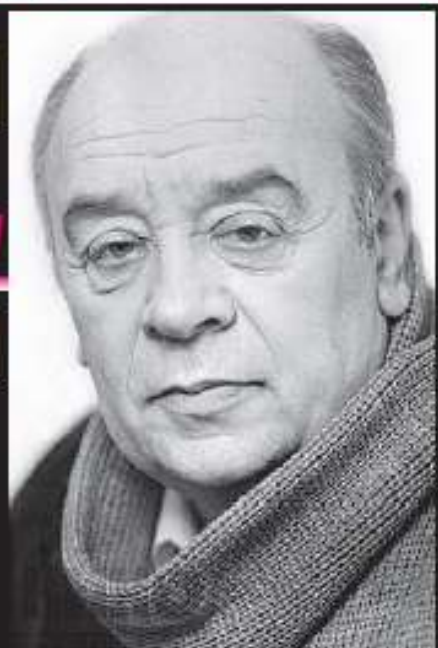
БРОНЕБОЙНЫЙ БРОНЕВОЙ

СТР. 8-11

ЗВЕЗДЫ С РУССКИМИ
КОРНЯМИ:
8 ГОЛЛИВУДСКИХ
ИМЕН

СТР. 14-15

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№32 (61)
АВГУСТ 2021

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

СТР. 6-7

РАБОТЫ РАБОТИНА

ТАКСИ, ТАКСИ, ВЕЗИ, ВЕЗИ...

СТР. 5

ЛУЧШИЕ ОБЛАДАТЕЛИ БУКЕРА, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ НА РУССКИЙ

СТР. 12-13

БРОНЕБОЙНЫЙ

Геннадий Норд

«Семнадцать мгновений весны» — советский 12-серийный художественный телефильм Татьяны Лиозновой. Снят по одноимённому роману Юлиана Семёнова. Военная драма о советском разведчике, внедрённом в высшие эшелоны власти нацистской Германии, снималась с 1971 по 1973 год. Показ фильма должен был начаться ко Дню Победы в мае 1973 года, но был отложен по политическим соображениям, из-за визита в эти дни советского лидера Леонида Брежнева в ФРГ.

48 лет тому назад, 11 августа 1973 года, по телевидению была показана первая серия картины. Фильм приобрёл широкую популярность в Советском Союзе уже во время премьерного показа, в связи с чем повторный показ состоялся уже через три месяца.

Этот фильм открыл для большинства зрителей талант актера Леонида Броневых.

Его путь в профессию был долгим и трудным: свою звездную роль, Генриха Мюллера в «Семнадцати мгновениях весны», он сыграл в 46 лет, а до этого жизнь словно готовила его к воплощению образа шефа немецкой тайной полиции.

Впоследствии каждая исполненная роль разлеталась на цитаты — и дело, конечно, не только в гениальной драматургии, но и в уникальных «броневых» интонациях — всегда с нотками цинизма и легкой грусти: «Штирлиц, а вас я попрошу остаться», «Заметьте, не я это предложил», «А кто не пьет, назови!», «Коли доктор сыт, так и больному легче», «И вот тут некоторые стали себе позволять нашивать накладные карманы».

Член Союза писателей Северной Америки, многократно народный и любимый Леонид Сергеевич Броневых.

Он был человеком невероятно скромным. Не любил давать интервью и соглашался на них крайне редко. Но мне удалось его разговорить.

— Как ты стал актером?

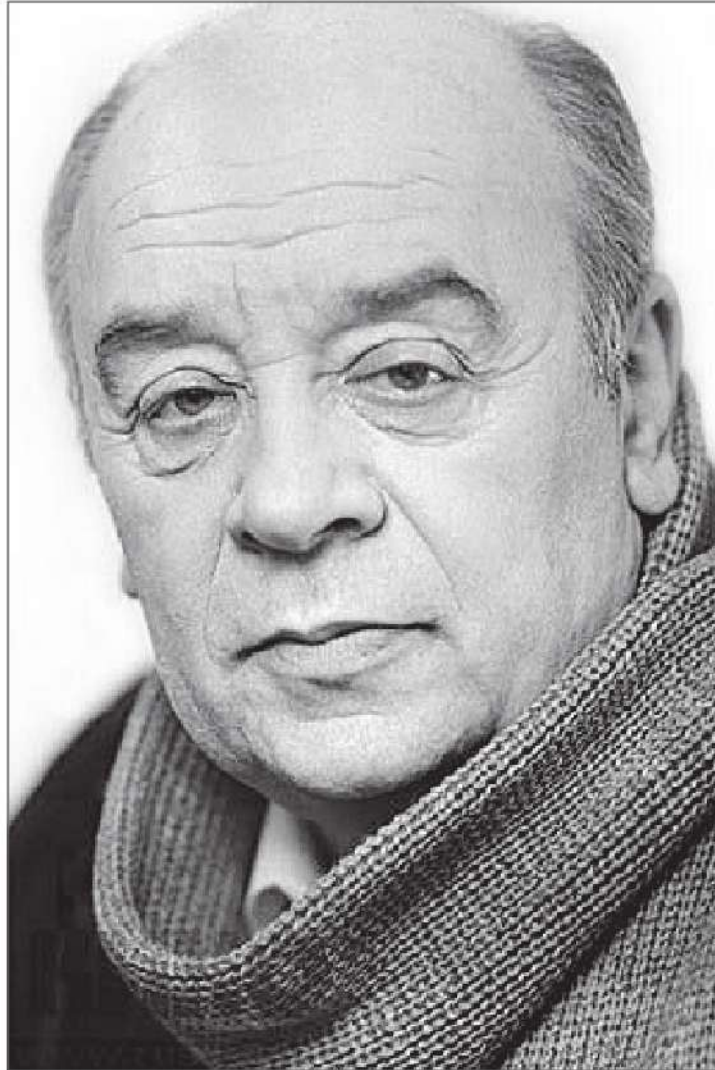
— Вообще-то я не хотел быть актером. Просто жизнь моих родителей, а, соответственно, и моя, сложилась таким образом, что никем другим я стать не мог.

— Жалеешь?

— Я бы покривил душой, если бы сказал, что жалею. Нет. Жалеть вообще ни о чем не нужно — просто так карта легла.

— Мне думается, что нельзя рассказывать о тебе, не вспомнив твоих родителей.

— Мой папа Соломон Факторович. В 1918 году во время установления советской власти в Одессе он с двумя своими

братьями был «красным дружинником» и участвовал в боях с юнкерами. Один из братьев — Абрам — подорвал гранатой белогвардейский броневик и сам при этом погиб. После этого оставшихся в живых братьев Соломона и Александра Факторовичей вся Молдаванка стала называть «бронированными». Прозвище так понравилось братьям, что они поменяли фамилию.

Отец, Соломон Иосифович, был сыном кондитера. Маму звали Белла Львовна Ландау. Их знакомство состоялось в студенческие годы в институте, где отец учился на юриста, а мама — на экономиста.

Карьера отца складывалась непросто, после окончания учебы он устроился на работу в институт народного хозяйства. Вскоре его исключают из партии, увольняют с работы, «за приверженность к троцкизму».

Отец обратился к старшему брату, и тот помог ему устроиться в киевском экономическом отделе ГПУ.

Мама была категорически против, она хотела, чтобы муж стал адвокатом, помогал людям, а в ГПУ его ждала совсем другая работа.

В начале 1930-х годов отца награждают орденом Красной Звезды, кавалером

этого ордена он становится одним из первых в Советском Союзе. Номер ордена 34.

Спустя некоторое время его, майора госбезопасности, назначают начальником 6-го отдела НКВД Украины, но в 1935 году вдруг увольняют из органов.

Он переходит на другую работу — управляющим киевского парка культуры и отдыха. Через год его обвиняют в троцкизме, припомнив комсомольскую юность, далее последовал арест. Освободили отца через восемнадцать лет, в 1954 году. В 2003 году он был реабилитирован посмертно.

Отец последние годы своей жизни провёл в Ростове.

— Ты родился в Киеве?

— Да, 17 декабря 1928 года. В шесть с половиной лет поступил в музыкальную школу при Киевской консерватории по классу скрипки. Педагоги говорили маме о моих выдающихся способностях.

Моя жизнь в родительской семье была вполне счастливой и обеспеченной. Мы жили на Крещатике в четырёхкомнатной светлой квартире.

Мои родители — честные и порядочные люди, свято верившие в идеалы революции, много сделали для меня. Они старались воспитать хорошего человека, всесторонне развитую личность. На скрипке меня учил играть знаменитый киевский педагог Давид Соломонович Бертье. А попасть к нему было очень сложно.

— Как сложилась жизнь после ареста отца?

— После ареста отца все изменилось. Трагедия, пережитая в детстве, долгая разлука с любимым человеком наложила свой отпечаток на всю дальнейшую жизнь. А счастливое детство на этом закончилось. Мама после ареста отца, пытаясь защитить меня от клейма «сын врага народа», развелась и сменила мне отчество с Соломонович на Сергеевич. Но мы все равно оказались в ссылке в Кировской области и смогли вернуться в Киев лишь спустя пять лет.

— И вскоре началась Великая Отечественная война.

— Мне было двенадцать лет. Мы с мамой отправились в эвакуацию в город Чимкент. Там закончил семилетку. Чтобы поддержать мать пошел работать учеником в пекарню. Затем секретарем-машинистом в пошивочный цех. Я очень хорошо помню те голодные и тяжелые времена, как работал на хлебозаводе, как учился печь хлеб, как обжигал руки. И ещё одну жуткую историю помню: во время войны на хлебозаводе одна женщина тесто обмотала вокруг тела и хотела вынести. Её поймали и тут же, во дворе, на глазах у всех расстреляли.

— У тебя об эвакуации только горестные воспоминания?

— Нет, конечно. Несмотря на трудную жизнь и нелюбовь к советской власти, я сохранил самые теплые воспоминания о Казахстане и Средней Азии. Я, чье детство испоганено было, чье место рождения — прекраснейший Киев — отравлено и намертво в воспоминаниях о том связано, как разбросали нашу семью по всему Союзу: отец на Колыме лес валил, мать по городам и весям скиталась, я по миру пошел голоштанником, но я всегда говорил и говорить буду: не смейте, не смейте тосковать по аду — помните, нужно добро, а не зло! Нас, оборванцев, голодных, вшивых, сирых и убогих, в военные годы в республиках Средней Азии приютили. Узбеки, казахи, таджики пускали эвакуированных под крышу своих домов, последней лепешкой с нами делились, а теперь в Москве их детей и внуков за людей не считают, да и в Киеве, я уверен, едва завидев, беззастенчиво фыркают и этим унижительным словом «гастарбайтеры» обзывают. А почему бы русским — я спрашиваю — с гастарбайтерами за помощь эвакуированным не рассчитаться, компенсацию не выплатить — из нефтяных денег? Неужели они на нас тогда не потратились? Или кто-то

Леонид Броневых в молодости

Родители: Белла Ландау и Соломон Броневых

считает, что подметать улицы и штурмовать стены — единственное, на что гастарбайтеры эти годятся? Если так, то мы, победители, ничуть не лучше нацистов, деливших нации на высшие и низшие, — достойные дети отца народов, как ни крути.

—Когда состоялась твоя первая встреча с театром?

—Я устроился на работу в портняжный цех кукольного театра, там же впервые начал играть. После окончания войны я за год окончил вечернюю школу рабочей молодежи, получил аттестат зрелости и собирался продолжать учебу.

—Какую профессию выбрал?

—Мечтал стать летчиком, дипломатом или журналистом. Но мама доступно объяснила, что означает быть сыном врага народа. Она сказала: «Тебе всю жизнь придется нести за это ответственность. Все приличные вузы для тебя закрыты, единственное место, куда тебя, может быть, возьмут, это Ташкентский ГИТИС. Вот так я оказался на первом курсе актерского факультета. И не потому, что мечтал стать артистом. Причина более прозаическая — только туда приняли сына «врага народа». Учился и подрабатывал диктором на местном радио, причем вел передачи на узбекском языке.

—А потом долгая работа в провинциальных театрах?

—По окончании института служил в Магнитогорском драматическом театре имени Пушкина. Там долго сидел без ролей. Даже на пропитание не всегда хватало.

Через два года оказался в Оренбургском драматическом театре имени Горького. Тут я уже вполне пригласился. Много играл, стал ведущим актером и, в конце концов, мне доверили роль молодого Ленина. Так начиналась моя галерея портретов начальников, вождей и королей.

За роль Ленина мне хотели присвоить звание заслуженного артиста.

—Что помешало?

—Я сам и помешал. Решил оставить оренбургские перспективы и поехал в Москву, где поступил в Школу-студию МХАТ к Грибому. Учился вместе с Волчек, Скобцевой, Квашой, но в команду «Современника» не попал и снова отправился в провинцию. Сначала в Грозный, потом в Иркутск, а с 1958 по 1961 работал в воронежском театре.

—А когда вернулся в Москву?

—В 1961 году удалось перебраться в Москву после внезапной болезни и смерти первой жены. В Москву приехал вместе с маленькой дочкой Валей.

—В Москве все наладилось?

—Куда там! Нельзя сказать, что Москва приняла гостеприимно. Мне пришлось зарабатывать на кусок хлеба даже игрой в домино. Денег не хватало, и я хватался за любую подработку — выступал в роли Деда Мороза на утренниках, играл в радиоспектаклях. И сниматься в кино и на телевидении тоже стал во многом из-за заработка. Играл в детских передачах «АБВГ Дейка», снимался в маленьких эпизодических ролях.

—А что же с театрами?

—Я активно предлагал себя разным театрам, и единственным, кто оценил, стал Андрей Гончаров, пригласивший меня в труппу Театра на Малой Бронной. Туда же пришел постановщиком и Анатолий Эфрос. Он разглядел меня сразу и задействовал почти во всех своих спектак-

В роли полковника жандармерии, кинофильм «Товарищ Арсений»

В роли куплетиста Аркадия Велюрова «Покровские ворота»

В роли Генриха Мюллера в телефильме «Семнадцать мгновений весны»

Реальный Генрих Мюллер и Леонид Брежнев в роли Г. Мюллера

клях. Я очень ему благодарен. Я уверен, что именно Эфрос научил меня тонкостям профессии.

—Ты стал ведущим актером Театра на Малой Бронной. На тебя ходил зритель.

—Я в театре на Малой Бронной работал двадцать шесть лет, был его ведущим актером и сыграл множество ролей. В «Ромео и Джульетте» играл Капулетти, в «Сказках старого Арбата» — Христофора Блохина, в «Директоре театра» — Чимендеева. Если честно, то иногда почитатели аплодировали стоя.

—Но, несмотря на это, ты перешел в «Ленком».

—Покинул этот мир Эфрос, и Театр на Малой Бронной стал не совсем моим. А с Марком Захаровым мы оказались на одной волне. Поэтому я и перешел к Захарову. Участвовал в постановках «Палача», «Вишневый сад», «Чайка» и других.

—Известность тебе принесло кино?

—Никакой известности сначала не было. Я не так много снимался. Всему виной нестандартная для кино физиономия. Первую роль в кино сыграл у Юрия Райзмана. Эпизод был настолько незначительным, что я даже не смог узнать себя на экране.

—Были затем и другие роли?

—Были. Фильм «Товарищ Арсений» снятый в 1964 году, фактически, стал моим дебютом в кино. Я сыграл жандармского полковника. Говорят, что в этой роли был очень убедительным. Режиссеры разглядели и после этого фильма стали приглашать на роли руководящих работников, жандармов, служащих. И были фильмы «Лебедев против Лебедева», «...И снова май!», «Твой современник».

Благодаря этим ролям в кино я и начал превращаться в популярного артиста.

—Но во второй половине шестидесятых ты много снимался в телеспектаклях.

—Да, это был целый пласт интересной работы. Вроде и кино, и театральный спектакль. Такой симбиоз. Это меня и привлекало. Состоялись телевизионные спектакли «С первого взгляда», «Золотая карета», «Что делать?», «Коммандант Лаутербурга», «День за днем». В знаменитом телесериале «Следствие ведут ЗнаТоКи» я сыграл аж две эпизодические роли.

В телеспектакле «Всего несколько слов в честь господина де Мольера» у меня была очень значимая роль. Я играл французского короля Людовика Великого. Телефильм, автором которого был Эфрос, стал блестящим сплавом двух произведений — булгаковской пьесы «Кабалы святош» и произведения Мольера «Дон Жуан». Первый план талантливой работы Эфроса представляли мы с Юрием Любимовым. Он играл Мольера, а я, как уже говорил, короля.

Это, естественно, тоже прибавило популярности.

—Но все-таки широкая известность к тебе пришла после выхода картины Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны»?

—Несомненно. Но изначально мне прочили роль Гитлера, а Мюллером должен был стать Санаев. Но в то время он был секретарем парткома «Мосфильма». Всеволод Васильевич посчитал унижением играть начальника тайной полиции. Правда, потом ужасно пожалел.

Окончание на с. 10-11

Окончание. Начало на с.8-9

А сразу понял: Мюллер — это очень интересный тип. Циничный смех и стальной взгляд, содержательные паузы и мгновенные реакции. Я играл его интуитивно, опираясь на собственные представления о служащих безопасности. Перед глазами был отец, который даже после лагеря не изменил своим убеждениям.

Я понял одно важное обстоятельство: Мюллер не типичный костолом-гестаповец, а старый служака, добродушный и владеющий специфическим чувством юмора, но при этом умный, квалифицированный профессионал и опасный противник.

— **Образ оказался очень ярким, запоминающимся, вызывающим уважение и даже симпатию.**

— Юлиан Семенов говорил, что моя заслуга в том, что я показал умного, живого и от этого еще более страшного врага. А консультанты фильма даже возмущались, мол, Мюллер Броневое слишком далек от реального прототипа.

— **Твои фразы стали крылатыми: «Штирлиц, а вас я попрошу остаться...», «Они все фантазёры, наши шефы. Им можно фантазировать, у них нет конкретной работы», «Ве-**

рить в наше время нельзя никому, порой даже самому себе. Мне — можно». Мюллер стал персонажем многочисленных анекдотов, а это уже суперпопулярность.

— Это правда. Фильм вышел в 1973 году и сделал меня известным человеком. Тогда мне было уже сорок шесть лет. Мне кажется, что я тогда подтвердил очень важную мысль: никогда не опускайте руки, не впадайте в депрессию и уныние, и тогда рано или поздно вы добьетесь успеха.

— **Мюллер мог сыграть с тобой злую шутку — ты мог стать актером одной роли.**

— Слава Богу, такого не случилось. Я отдаю должное своему персонажу. Я не отрекаюсь от Мюллера, он уже ко мне пристал как Чапаев к Бабочкину, и это, кажется, была достойная работа.

— **В последующие годы ты сыграл ещё много ролей в кино. И везде фразы твоих персонажей расходились на цитаты.**

— Это в основном заслуга сценаристов. Но в чем-то и моя. Иногда я импровизировал, добавлял что-то свое, и режиссерам это нравилось.

Но, несмотря на грандиозный успех «Семнадцати мгновений», меня продолжали терзать сомнения в собственных силах. Даже когда Захаров без проб утвердил меня на роль курфюрста в фильме «Тот самый Мюнхгаузен», а позже пригласил к себе в знаменитую труппу «Ленкома».

— **В твоей биографии было еще много кино?**

— Были роли в фильмах «Врачи вызывали?» (профессор Медведев), «Пятерка за лето» (повар из столовой, умеющий разговаривать стихами).

В драме «Агония» я сыграл роль личного секретаря Григория Распутина. У этого фильма была непростая история, он вышел на экраны только через десять лет.

В 1975 году снялся в комедии «Маяковский смеется», где мне предложили роль недобросовестного актера по фамилии Бочкин. После этого был занят в драме «Прошу слова», в советско-румынско-чехословацком фильме «Вооружен и очень опасен».

— **В 1982 году советские зрители с большим воодушевлением встретили фильм «Покровские ворота». Ты снимался уже в статусе звезды. И вновь блестящее исполнение и роль, разобранная на цитаты. Умный, тонкий, обаятельный исполнитель куплетов Аркадий Варламович Велюров с первых кадров покорила сердца многочисленных зрителей.**

— Не захваливай. Я просто считаю, что надо полностью погрузиться в образ, тогда перед зрителями возникнет живой человек со всеми своими и положительными, и отрицательными чертами характера.

И потом, если говорить о фразах, которые ушли в народ, то надо вспомнить еще и доктора в картине «Формула любви». Это мудрый человек, которого не может обвести вокруг пальца даже такой знаменитый фальсификатор, как граф Калиостро. Доктор обладает искрометным чувством юмора. Вот поэтому и его фразы стали крылатыми.

— **Сколько ролей в твоей фильмографии?**

— Знаешь, я никогда не считал. Но говорят, что более ста двадцати.

Особенно мне дороги те роли, которые мы с тобой уже перечислили. А еще Семен Ефремович в «Небесах обетованных» и актер Журавлев в фильме «Простые вещи». За роль Журавлева меня наградили «Никой».

— **Чем тебя привлекла роль Журавлева в «Простых вещах»?**

— Для меня самого мое согласие сыграть эту роль стало неожиданным. Алексей Пологребский снял очень пронзительный фильм, а мой герой тяжело больной актер, который находится на пороге смерти. И, прежде чем согласиться на эту роль, я подумал, что эта история — история об одиночестве и достоинстве. Уметь надо и стареть, и переживать времена, когда тебе перестают звонить.

А еще я всегда любил читать стихи, стараясь проникнуть в самую суть поэзии. Алексей Пологребский воспользовался этим моим даром. В фильме я читаю строки Тютчева: «Когда дряхлеющие

В роли герцога, курфюрста Ганновера в телефильме «Тот самый Мюнхгаузен»

В роли Семёна Бакурина в кинофильме «Небеса обетованные»

Сцена из спектакля в театре «Ленком»

Сцена из спектакля в театре «Ленком»

В роли Доктора в телефильме «Формула любви»

Сцена из спектакля в театре «Ленком»

Леонид Броневой с женой Викторией

силы нам начинают изменять...». Я постарался произносить текст с такой обреченностью, словно понимал, что пришла пора прощаться со своим зрителем.

—Вернемся к театру. Ты ведь работал с гениальными режиссерами.

—Я работал с несколькими великими театральными режиссерами. В Театре на Малой Бронной с Анатолием Эфросом. Он выдающийся творец. Но отношения мои с Эфросом складывались нелегко. Эфрос меня видел в основном в отрицательных ролях. Он вытаскивал из меня отрицательные свойства. Но когда их без конца вытаскивают, становится так тошно, начинаешь думать, наверное, я действительно отвратительный тип, смотришь на свою морду в зеркало, думаешь, наверное, ему противно мое лицо, моя фигура, я произвожу впечатление какого-то чудовища. С Эфросом сложился творческий тандем, но была человеческая несовместимость.

А Марк Анатольевич Захаров даже больше, чем гений, знаешь почему? Юрий Петрович Любимов был мастером формы, но невозможно отставать в разборе содержания, не имел такой возможности вот так тонко разобрать, как Эфрос. Эфрос был силен в разборе содержания пьесы, но в форме он был слабее. Захаров, его Бог поцеловал во все места. Он и в содержании силен, и в форме.

—И главной для тебя всегда оставалась сцена?

—Да. Особенно «Ленком». В «Ленком» я пришел работать в 1988 году. И считаю, что человек, который действительно открыл мое дарование — это Марк Захаров. «Ленкому» я отдал почти 30 лет жизни. Лучшие мои роли в спектаклях на сцене «Ленкома» и лучшие роли в фильмах Марка Захарова.

Сыграл там Крутицкого в «Мудреце», Дорна в «Чайке», Яичницу в «Женитьбе». Мне кажется, что специально для меня Захаров сделал Фирса центральным персонажем «Вишневого сада».

Чехов вообще мой любимый автор. Меня всегда привлекало отношение писателя к людям, которых тот видел буквально насквозь и потому не очень любил. Больше всего мне нравятся чеховские рассказы, особенно «Тоска» — о старом извозчике, который, потеряв сына, пытался рассказать о своем горе пассажирам, но, столкнувшись с безразличием, изливал душу лошади. Этот герой был так созвучен моему внутреннему миру.

А Захаров сделал Фирса так, как никто и никогда прежде не делал. Фирс стал для меня одним из ключей к драматургии Чехова. Немногословный, но важный герой, «живой человек, который уж точно больше значит, чем сад, дом».

—Есть роли, которые ты мечтал сыграть?

—Всю жизнь мечтал сыграть Арбенина, но так и не смог. Поэтому я на концертах читаю отрывки из «Маскарада».

—Как к тебе относятся коллеги по театру?

—Честно? Многие коллеги меня не любят, иные боятся, за глаза и взрывной характер называют «бульварным котлом» или «демоном сцены». Они говорят: «Броневой сродни ядерному реактору — опасный, пока не рванет».

—Ты очень разноплановый актер. А как ты сам бы определил свое амплуа?

—Вообще это дело режиссеров — определять амплуа. Но когда я работал в Магнитогорске, Оренбурге, Воронеже, то говорил, что мое амплуа провинциальное на все руки. Ведь там, в провинции актеры играют все. Ну, если учесть, что я уже много лет в Москве, то можно сказать: амплуа — на все руки.

Послушай, ты же знаешь, что я не люблю говорить о театре, о своей работе. Давай поговорим на житейские темы.

—Давай. У тебя есть хобби?

—Есть! Люблю ездить на Дорогомиловский рынок и покупать бакинские огурчики и помидоры, парную баранину.

—Ты пережил в своей жизни много тяжелого и плохого, но все удары судьбы принимал стойко, как полагается «броневойному человеку».

—Просто я очень люблю жизнь и люблю жить!

—Расскажи в своей личной жизни.

—Моя первая жена Валентина Блинова умерла молодой, оставив мне малень-

кую дочку Валечку. Я все заботы о дочери взымал на свои плечи, не желая, чтобы малышка росла с мамочкой.

Валентина окончила Институт иностранных языков имени Мориса Тореза, получила специальность филолога. Почти три десятка лет она посвятила работе во Всесоюзной службе вещания Гостелерадио.

А после того как Валечка закончила ВУЗ я всерьез задумался о своей личной жизни.

Моя избранница — Виктория Валентиновна — инженер по образованию. Наши отношения с самого начала отличались теплотой и взаимопониманием.

—Владимир Михайлович Зельдин до ста лет играл в театре. Не тяжело ли тебе выходить на сцену?

—С каждым годом на сцену выходить все тяжелее. Последнее время я отказываюсь от любимых ролей и спектаклей. Есть моменты, когда ты обязательно должен уйти в тень — на сцене, и, следовательно, в жизни. Это вопрос большой деликатности и большой культуры. Надо давать от себя отдохнуть.

Леонид Сергеевич очень любил анекдоты про Штирлица и Мюллера. Сам их классно рассказывал. И очень заразительно смеялся над ними.

Было бы совсем неправильно, если бы в заключение нашего интервью я не вспомнил несколько анекдотов про Броневского — Мюллера.

—Штирлиц взялся за дверную ручку и попробовал открыть — не получается, толкнул дверь плечом — тщетно, ударил ногой — без результата...

—Заперли, — тонким чутьем разведчика догадался Штирлиц.

И только Мюллер знал, что дверь открывается в другую сторону.

Штирлиц вытащил из сейфа записку Мюллера.

Мюллеру было очень больно, но он терпел.

—Штирлиц, вы еврей? — спросил Мюллер.

—Я русский, — с достоинством сказал Штирлиц.

—А я немецкий, — усмехнулся Мюллер.

Мюллер знал, что русские после того как размешают сахар в чашке с кофе или чаем оставляют ложку в чашке, и он решил проследить за Штирлицем в кафе. Штирлиц помешал сахар, вытащил ложку и положил её в карман.

—Свои, — подумал Мюллер, вспомнив дедушку еврея!

Кальтенбруннер звонит Мюллеру:

—Вы видели новую версию фильма про Штирлица? Он теперь цветной!

—Китаец, что ли?

В кабинете Мюллера:

—Штирлиц, вчера на заднице у радистки Кат были обнаружены отпечатки ваших пальцев. Как вы это объясните?

—Я-то объясню, а вот как вы объясните, каким образом вы их там нашли?

Мюллер выпал из окна третьего этажа, но чудом зацепился за перила балкона и остался жив.

Утром чудо распухло и мешало ходить.

Мюллер сел в такси и сказал водителю:

—Трогай! Таксист потрогал:

—Ого!

За кружкой пива Мюллер спрашивает:

—Скажите Штирлиц, а какой Ваш любимый фильм?

«Волга-Волга», — хотел было ответить Штирлиц. Но вовремя опомнился и сказал:

—Фольксваген-Фольксваген!

Штирлиц сидит в кабинете и читает шифровку из Москвы. Неожиданно в кабинет влетает Мюллер, отрывает от доносения кусок страницы и так же стремительно убегает.

—Пронесло! — подумал Штирлиц.

Штирлиц стоял на своем. Это была любимая пытка Мюллера.